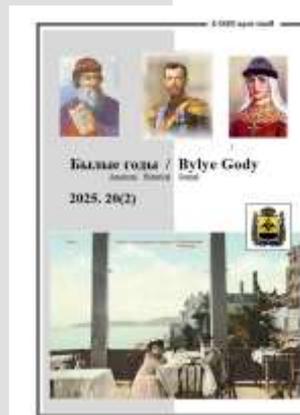

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 689-700
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.689

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From Watchman to Salesman: Daily Employment and Labor Activity of Military Invalids in 1808–1908 (Using the Example of Western Siberia)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a,b}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,c,d}, Oleg I. Savin ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russian Federation

^c Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^d Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

Currently, the realization of the historical experience of social support for military disabled people in Russia is particularly important. The quality of their adaptation to peaceful life depends on the resources and opportunities that society and the state are willing to provide for war invalids. During the imperial period of Russia's history, there was a practice of public charity by creating disabled teams, whose members received pensions, clothing allowances, and housing, but had to continue their service. However, their service activities were connected with the performance of non-military, but civil duties. Members of the disabled teams were involved in various types of work, which determined their daily work. This article, based on archival materials from the State Archive of the Tomsk Region, examines the specifics of the involvement of military invalids in Western Siberia in various spheres of public life in which they worked and received remuneration. An important question raised in the article concerns the nature of employment for military invalids – to what degree it was an integral part of their everyday life and to what extent it aligned with the objectives of professional rehabilitation for this category of the population. Based on the findings of the research, it can be concluded that during the period of the 19th and early 20th centuries, two distinct models of employment for military invalids can be identified. The first model was characterized by the transformation of official activity into socio-professional activity carried out in the urban space. The employment of persons with disabilities was provided and financed based on the needs of the local community. The second model, developed in the early years following the Russian-Japanese War, was closer to the principles of social policy, focusing on the employment of war invalids based on their contributions to society and the state. The rehabilitation aspect was already central to this model. The comparison of the performance of these models allows to judge their effectiveness.

Keywords: military invalids, disabled team, employment, Western Siberia, public charity, everyday life, Russian-Japanese war, labor.

1. Введение

В процессе реабилитации человека, вернувшегося инвалидом после прохождения воинской службы, особое место занимают вопросы его возвращения к трудовой деятельности. Именно труд позволяет человеку удовлетворять потребности и обеспечивать качество своей жизни. Поэтому ни пенсионное обеспечение, ни какое-либо другое довольствие не могут дать лицу с инвалидностью тех возможностей в самообеспечении, которые дает вовлеченность в трудовые процессы. Трудовую

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), siridar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin)

реабилитацию можно считать инвариантом социальной помощи инвалидам в любую историческую эпоху, поэтому в современных условиях будет актуальным и востребованным опыт прошлых поколений.

Целью настоящей статьи, завершающей цикл публикаций авторов, посвященный истории общественной помощи инвалидам в XIX в. на примере Сибирского региона, является воссоздание исторического процесса вовлечения военных инвалидов Западной Сибири в повседневные трудовые процессы в XIX – начале XX в., а главной задачей – проанализировать организацию и результаты трудовой деятельности инвалидов войны в течение длительного периода с 1808 по 1908 г.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документы фондов, хранящихся в Государственном архиве Томской области (Томск, Российская Федерация) в фондах Томского губернского правительства (Ф. 1. Переписка с Томским губернатором об определении инвалидов на места соляных сидельцев), Томского губернского управления (Ф. 3. Материалы о назначении сторожами этапных зданий нижних чинов инвалидных команд, расследовании утраты следственных дел арестантов конвоирами Томской инвалидной команды, потребности устройства инвалидов на винокурных заводах и «содержании инвалидов за присмотром вина»), Томского городского магистрата (Ф. 50. Предписания, ведомости, переписка с Министерством внутренних дел о назначении инвалидов караульными и ночными сторожами), Управления акцизными сборами по Томской губернии и Семипалатинской области (Ф. 209. Сведения о назначении на должности продавцов казенных винных лавок участников сражения в Порт-Артуре и инвалидов Русско-японской войны).

Методологическую основу исследования составили принципы истории повседневности, которая утверждает, что «история по существу – это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии» (Григорьева, 2010: 216). История повседневности фокусируется на «детальном историческом описании» (Людтке, 1999: 77) и рассматривает жизнь отдельных людей и социальных групп с точки зрения определенных функций, которые ее наполняют, включая вовлеченность в трудовую деятельность. А. Шюц называл труд одним из шести «конституирующих элементов повседневности» (Schutz, 1990), ибо последняя изначально была и остается трудовой и имеющей вневременной характер. Ф. Бродель также отнес трудовую деятельность к ключевым структурам повседневности (Бродель, 1977). И поскольку история повседневности концентрируется на обыденности и рутинной жизни человека, то и повседневность можно определить, как обычное ежедневное существование человека с его каждодневными проблемами труда (Орлов, 2010: 11).

Помимо этого, исследование опирается на методические разработки исторического анализа повседневности и качества жизни одного из авторов статьи А.С. Ковалева, который предлагает изучать трудовую активность инвалидов как часть их экономической повседневности. Через изучение их способности к какой-либо деятельности и возможности трудовой реабилитации в конкретную историческую эпоху проанализировать основные занятия, которые были ключевым источником средств к их существованию, специфику условий труда и характер занятости, мотивацию труда, наличие трудовых конфликтов и способы их решения (Ковалев, 2013: 25-27; Ковалев, 2024: 258).

3. Обсуждение

Подробный историографический обзор исследований, отражающих вопросы повседневности военных инвалидов и деятельности инвалидных команд уже был представлен в исследованиях авторов, опубликованных ранее в журнале «Былые годы» (Kovalev et al., 2023; Kovalev et al., 2024). Поэтому при описании степени изученности темы на этот раз позволим себе остановиться на исследованиях, которые тем или иным образом затрагивали вопросы, связанные с повседневной занятостью и трудовой деятельностью инвалидов войны.

Известные представители историографии общественного призрения нижним чинам Ю.В. и П.П. Щербинины отмечают, что еще с конца XVIII в. российские власти «предпринимали попытки смягчить тяжелое положение военнослужащих инвалидов... но разрешение проблемы они видели в использовании частичного труда самих призываемых инвалидов» (Щербинина, Щербинин, 2011: 187). Им вторит И.Г. Дуров, характеризуя ситуацию, которая сложилась с призрением военных инвалидов к концу XVIII в., говоря о том, что уже тогда богадельням рекомендовалось привлекать увечных воинов к посильному физическому труду, в том числе «в целях отвращения призываемых от праздной жизни и пьянства... Однако все эти попытки успеха не имели и полностью провалились из-за массового нежелания [призываемых] даже посильно трудиться на общее благо» (Дуров, 2011: 29). А.А. Бесолова, характеризуя процесс развития общественного призрения инвалидов и их семей военными благотворительными комитетами в XIX – начале XX в., пишет, что они пытались «вернуть инвалидов к прежней жизни через трудоустройство и подбор посильной работы», пытаясь «предоставлять им возможность для заработка» (Бесолова, 2016: 13).

В отдельных публикациях содержится информация о помощи нетрудоспособным гражданам, вернувшимся инвалидами с Русско-японской войны. Так, О.В. Гусева пытается выяснить роль Дамских комитетов, оказывавших помощь инвалидам этой войны из числа нижних воинских чинов «в трудоустройстве и последующей социализации», однако, как показывают результаты ее

исследования, дальше сбора средств на благотворительность на местах дело не пошло, и никакой реальной трудовой помощи предоставлено не было (Гусева, 2021: 29). Т.А. Катцина исследовала призрение сибирских инвалидов Русско-японской войны, отмечая, что единственным видом помощи были «пенсии и единовременные пособия из инвалидного капитала Александровского комитета о раненых» (Катцина, 2015).

Во всех перечисленных работах только упоминается, что вовлеченность в трудовые процессы могла быть одним из направлений общественного призрения военных инвалидов в XIX – начале XX в., но вопрос о том, насколько эта возможность была реализована, не анализируется. Только в публикации А.Т. Ташпековой, целенаправленно занимающейся изучением деятельности внутренних гарнизонных батальонов, сформированных в том числе из членов инвалидных команд, подробно говорится о повседневной службе последних, к которой относились оказание помощи при поимке преступников, усмирении бунтов, сборе податей, караульная служба «в пороховых погребах; провиантских магазинах; больнице... казначействе; тюремном замке» и т.д. (Ташпекова, 2021: 43). Впрочем, и в этом случае речь в большей степени идет о службе, а не о «гражданской» повседневной службе и занятости военных инвалидов, в связи с чем выявление общего и особенного в этих процессах, разграничение «службы» и «трудовой» деятельности также можно рассматривать в качестве одной из задач проводимого исследования.

4. Результаты

Еще в начале XIX в. в Санкт-Петербург из Сибири стали поступать жалобы о том, что губернские города испытывали недостаток в сторожах. 24 июля 1808 г. министр внутренних дел А.Б. Куракин писал Томскому губернатору: «...Усматриваются затруднения в наделении городов ночными стражами или караульными... Одни испрашивали для сих должности, другие требовали разрешения на употребление к тому инвалидов или инвалидных команд. Я имел по сему предмету сношения с военным министром, который меня ныне уведомил, что он представил о сем обстоятельно государю императору» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 1). В том же году император Александр I распорядился, чтобы нижние чины военного ведомства из числа неспособных к фрунтовой службе могли занимать место ночного сторожа или быть караульными в губернских городах. Однако в этом случае их должны были содержать уже городские органы власти, а не военный департамент. При этом и сторожам, и караульным из инвалидных команд сверх инвалидного содержания городские власти должны были производить за службу особую плату. Наконец, направление членов инвалидной команды из военного ведомства следовало производить только по согласованию с министром внутренних дел и с военным министерством (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 1).

Надо сказать, что в первом десятилетии XIX в. вопрос о сторожах и караульных в губернских городах был весьма дискуссионным среди представителей городских властей и общественности. Сторонники одной точки зрения полагали, что достаточно набирать в ночные сторожа и караульные из числа вольнонаемных горожан. Другие небезосновательно возражали, что они при несении службы «мало справностны, не отвечают назначению» и требовали «снабдить полицию губернских городов своими людьми» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 106.). Сторонники третьей позиции как раз были уверены в том, что место ночного сторожа или караульных должны занимать члены инвалидных команд, однако городские магистраты не собирались принимать инвалидов на свой счет, да еще и платить им из местной казны.

О том, как инвалиды работали сторожами, караульными и охранниками, можно судить по следующему эпизоду. В феврале 1838 г. трое рядовых из инвалидной команды были отправлены из суда вместе с арестантами и их уголовными делами в Боготольское волостное правление. В результате до Боготола добрались только сами инвалиды – и арестованные, и дела на них непонятным образом в дороге исчезли (ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1066. Л. 3).

Исправляющий должность комиссионера соляной операции Томской губернии в рапорте в 1858 г. сообщал, что при осмотре инвалидной команды в д. Спирино, он получил от нижних чинов жалобу, что они стеснены в условиях службы, поскольку из-за недостатка рядовых им «приходится быть на часах через сутки и даже каждый день, через это они не имеют времени починить обувь и вымыть белье» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 1). Инвалиды несли службу на четырех постах, в день должны были выходить 13 человек, сюда же следует прибавить одного посылаемого с почтой и «на разъезды для выгона солевозцев», итого выходило 14 человек в день. Всего же в инвалидной команде было 27 рядовых, т.е. для двухдневного расчета не хватало одного человека. Кроме того, поскольку речь идет об инвалидах, каждый день 1-2 человека находились в болезненном состоянии, а потому службу нести не могли, и она падала на плечи здоровых, которые так могли служить несколько дней и ночей. Кроме того, инвалид-«почтарь», о котором шла речь выше, «из-за состояния здоровья, а также при постоянно ужасной дороге задерживает[ся] почти целую неделю» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 2), так что он исполнял свои обязанности без перерывов и выходных дней. Помимо этого, в летнее время инвалиды командировались для несения караульной службы и сопровождения грузов «на всякую барку, а так как барок бывает при большой поставке соли до шести и более» (ГАТО. Ф. 3.

Оп. 19. Д. 566. Л. 1-2), то оставалось всего 20 человек, которые несли все обязанности, рассчитанные на 27 нижних чинов инвалидной команды.

Томская казенная палата, узнав о положении дел, ходатайствовала об увеличении нижних чинов в инвалидных командах. Однако для этого не оказалось ни людей, ни средств, и Томский губернатор предложил комиссионеру соляной операции «войти в соображение, не представится ли возможность для облегчения нижним чином уменьшить некоторые посты и такие командировки их, в выполнение которых не предстоит необходимости» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 6-6об.). Поскольку инвалидная команда, находившаяся в деревне для занятия охранительных постов и других служб по соляной операции, состояла в подчинении военному ведомству, комиссионеру надлежало передать вопрос на рассмотрение военного начальства, которое имело на этот счет свои соображения. В результате было принято постановление о том, что уменьшить количество постов при соляных магазинах и денежной кладовой не предоставляется возможным, т.к. они находятся на большом друг от друга расстоянии, и «комплект солдат Спиринской инвалидной команды ныне находящейся... достаточен» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 7-7об., 11-11об., 13). Таким образом, обращение оставили без последствий, пострадали только инвалиды, в жизни которых ничего не изменилось.

В 1825 г. генерал-губернатор Западной Сибири писал Томскому гражданскому губернатору, что в регионе членов инвалидной команды, используемых для содержания караулов на винокуренных заводах, было в четыре раза меньше, необходимой потребности и далее добавлял: «...а так как по малочисленности в городах инвалидных команд встречается в них надобность, то поручаю Вашему Превосходительству при проезде Вашем до границы Енисейской губернии [выяснить], сколько по числу постов потребно караульных на каждом из заводов Томской губернии, нет ли излишков инвалидов и до какого именно количества» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 1.).

В первой половине XIX в. солдаты инвалидной команды в Томской губернии несли службу в качестве сторожей и караульных на семи винокуренных заводах. Выплата жалования, а также обеспечение инвалидов провиантом и амуницией были возложены еще в 1811 г. на сами заводы, при этом все издержки должны были войти в цену выкуриваемого вина. В 1822–1823 гг. обязанности «приготовления для инвалидных команд на заводах находящихся мундирных и амуничных вещей натурой» были возложены на Томскую казенную палату, однако та, в свою очередь, считала своим долгом «единственно испрошение сумм на содержание инвалидов, удовлетворение всеми суммами на жалование и провиант и отпуск денег на изготовление амуниции по требовавшим с военной стороны», но само изготовление амуниции и снабжение инвалидов зависело от местного (в данном случае – Иркутского) военного комиссариатского комиссионерства, которое занималось снабжением армии продовольствием, амуницией, оружием и топливом. В то же время командир гарнизонного батальона имел право самостоятельного обеспечения своих инвалидных подразделений, если признавал такое заготовление выгодным, и потребовать с комиссионерства возмещение соответствующей суммы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 62. Л. 1-9).

Кроме того, командир гарнизонного батальона имел право составлять ведомости о принимаемых к заготовлению «потребных к довольствию членов инвалидной команды, служивших при винокуренных заводах, вещей». Например, в 1826 г. командир Красноярского гарнизонного батальона уведомлял Томскую казенную палату, что солдаты инвалидной команды при Боготольском и Краснореченском винокуренных заводах нуждаются в следующем обеспечении: каждому по две рубашки, кафтаны суконные и льняные, шинели с подкладкой суконные, подгалстучники, панталоны, сапоги из яловой кожи, портупей из черной глянцевой кожи, ранцы плечевые с ремнями к ним, ремни из глянцевой кожи к шинелям и фляжкам для воды, «материалы для закупорки тюков», циновки, веревки, мочалки и т.п. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 62. Л. 10-11об.).

Через год из Штаба отдельного сибирского корпуса Томскому губернатору сообщили, что из вытребованных Командиром красноярского гарнизонного батальона вещей верхнее обмундирование из Иркутского комиссариатского комиссионерства было заготовлено и доставлено полностью, а вот «нижнемундирным инвалиды не удовлетворены» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 62. Л. 12-12об.).

Также существовала особая группа служащих инвалидной команды – «инвалиды, за присмотром вина командированные», т.е. выполнявшие функции тех же самых сторожей и караульных, но на винокуренных заводах, а также при винных магазинах и кладовых. Они занимались препровождением вина в откупные места, направлением на лесосеки и сенокосы для присмотра за рабочими, чтобы не воровали и не употребляли казенного вина, поимкой бежавших рабочих. Кроме того, инвалиды, служившие при винокуренных заводах, могли быть направлены в качестве «охранников» при транспортировке винной продукции с заводов к местам продажи. В этом случае содержание инвалидов осуществлялось за счет винного откупа (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 11-11об.).

Однако и здесь возникали проблемы. Например, унтер-офицер Патюков из инвалидной команды при Боготольском винокуренном заводе, в июне 1824 г. прислал в Томскую казенную палату рапорт о том, что инвалиды «командированные в числе казенного присмотра для препровождения вина» прибыли к устью р. Чулыма и остановились там из-за того, что судна для перегрузки доставленного ими вина и дальнейшего следования до г. Барнаула были не подготовлены, в результате чего инвалиды были вынуждены остаться на пристани с. Игреково. Между тем все члены

инвалидной команды состояли на период на продовольственном содержании – «кормовых деньгах откупщика», рассчитанных только на конкретное количество дней, которые караульщики должны были затратить на перевоз. Однако «по долговому пути следования», т.е. с задержкой в пути, этих средств оказалось «весьма недостаточно». Унтер-офицер Патюков просил приказать Томской питейной конторе снабдить его инвалидную команду «присылкою кормовых денег» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 1).

Томская казенная палата, получив донесение Патюкова, предписала комиссионеру содержателей сборов сообщить, «с каким назначением выдаются инвалидам за казенный просмотр при провозе вина деньги: на один ли только провоз без платы им на содержание или с платою сверх получаемого ими по службе провианта и жалования и какое именно количество денег по мере расстояния», а также заводские конторы должны были уведомить, «удовлетворяются ли инвалиды, командированные для присмотра, жалованьем и провиантом за время откомандировки... и выдается ли им то или другое» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 2-3).

В ответ были получены следующие донесения. Из комиссионерства сообщили, что инвалидам, служащим при транспортировке вина, выдавалось «по одному снисхождению и человеколюбию на содержание в месяц одному от трех до пяти рублей, а также и подводы для препровождения за счет откупа», никаких других выдач не делалось, «ибо в условиях на ныне текущий откуп и в заключенном контракте не пояснено о таковой выдаче» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 4об.-5). Заводские конторы уведомили, что инвалидам, командированным для присмотра за перевозимым вином из заводских средств ни жалования, ни провианта не выдавалось и «по силе условий их контракта... продовольствие в пути должно упадать на счет содержателей, но... ни в условиях, ни в контрактах не определено, сколько именно следует выдавать на продовольствие денег» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 5об.-6).

Выслушав доводы обеих сторон, Томская казенная палата решила, дабы прекратить жалобы и от инвалидов, и от откупщиков, «...удовлетворять людей, командированных к присмотру за вином из инвалидов деньгами в той же мере, в какой определена им выдача жалования и провианта из казны... за все то время, которое они при присмотре за вином находятся будут до возвращения в завод» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 10).

Остался вопрос, кто должен обеспечивать это содержание. Томский гражданский губернатор предложил, что сопровождающих вино инвалидов должны в любом случае содержать за свой счет откупщики. Также он высказался в пользу того, «не будет ли одной доброй воли содержателей сборов на прибавку каждому военнослужителю для улучшения пиши во время командировки за препровождением винного транспорта по пятнадцати копеек в день» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 11-14). Генерал-губернатор Западной Сибири согласился с этим предложением и распорядился привести его в исполнение. В результате в период несения службы по охране груза винокуренных заводов члены инвалидной команды стали получать в обязательном порядке от 30–50 коп. до 1–3 руб. в день. Отдельные откупщики также согласились «по доброй воле» добавить еще 15–20 коп. в день (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 15-19).

В 1825 г. командир отдельного Сибирского корпуса капитан Бутович писал Томскому губернатору: «Для скорейшего окончания постройки военно-сиротского отделения в городе Красноярске полагал я усилить число рук от нижних чинов красноярского батальона, но за многими расходами оных нередко встречается недостаток и даже в отправлении гарнизонной службы. Вследствие чего я покорнейше прошу ... сообразить, не окажется ли возможность убавить инвалидов с винокуренных заводов Боготольского и Краснореченского, преимущественно же людей дельных... и буде найдутся таковые, то не оставить их... для отправления в красноярскую инвалидную команду» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 5). Председатель Томской казенной палаты Иванов сообщил Томскому гражданскому губернатору, что потребовал от заводских контор сведения об излишнем числе инвалидов-караульных, но оказалось, что «их недостаточно даже и на две смены, следственно, и числа их уменьшить невозможно» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 11-11об.). Поэтому когда об этом же попросил своего западносибирского коллегу генерал-губернатор Восточной Сибири, тот принял решение отправить достраивать военно-сиротское отделение не инвалидов-караульных с винокуренных заводов, а рабочих с Томских винокуренных заводов, только после завершения процесса винокурения (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 8-8об.).

В связи с тем, что инвалиды продолжали оставаться военнослужащими, крайне важным является вопрос о том, как соотносилась их служебная деятельность с трудовой занятостью, и можно ли считать выполнение обязанностей по «окарауливанию» полноценным вовлечением в трудовые процессы, или же это было всего лишь исполнение инвалидами служебного долга.

Служба – это один из видов общественно полезного труда, и в то же время вид профессиональной деятельности, который заключается в обслуживании населения, поскольку она всегда социально ориентирована. Она может быть частной, предусматривая, в том числе как одну из «услуг» охранную деятельность, и публичной, т.е. направленной на достижение общественного блага и удовлетворение потребностей всего общества. В этом случае служебная деятельность направлена на реализацию полномочий органов власти и местного самоуправления. Но в ситуации с несением

караульной службы военные инвалиды имели дело не просто с отбыванием обязанности, это было постоянное официальное занятие, за которое член инвалидной команды получал денежное вознаграждение, причем, как следует из вышеизложенного, источником жалования выступала не армия, финансируемая государством, а представители местного сообщества. Поэтому подобный труд следует оценивать не как повинность, обязательную для военного, а профессиональную деятельность в гражданской сфере, т.е. инвалид «действовал на чье-то благо», оказывая услуги по окарауливанию, что служило для него источником заработка.

Такой же службой была практика, когда в Томской губернии с 1826 по 1833 г. служащие инвалидных команд привлекались «для отапливания и сохранения полуэтапных зданий», предназначенных для временного содержания ссыльных, передвигавшихся пешком до места ссылки в Сибири в рамках государственной пенитенциарной системы. Так, из Каинской инвалидной команды для этой цели в 1825–1833 гг. были командированы 10 человек, из Кольванской с 1827 по 1833 г. – 2 человека, из Томской – тоже 2 человека (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 130. Л. 3, 7). Только в 1833 г. было решено заменить инвалидов крестьянами, но и в этом случае сохранялся статус именно гражданской службы: «везде сторожа наемные или нарядом от общества посылаются» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 130. Л. 1-10б.).

Приведем еще один пример занятости непосредственно в сфере гражданских отношений. В первой половине XIX в. в соляные магазины для продажи соли назначались так называемые «соляные сидельцы». Обычно такой сиделец избирался сроком на год из честных и грамотных жителей селения. Однако в своем отношении Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю министр финансов Д.А. Гурьев сообщал, что в сибирских городах встречаются затруднения в отыскании и определении сидельцев для мелочной продажи соли в губернских и уездных городах. Изначально эта обязанность находилась в ведении соляных приставов – чиновников, следивших за соблюдением порядка в торговле солью, – однако они с ней не справлялись. Тогда министр финансов предложил, чтобы места соляных сидельцев занимали лица «из военного ведомства, не способные к фрунтовой службе с жалованием по 80 руб. в год» (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 1–20б.).

В декабре 1816 г. Томский губернатор получил повеление от императора, чтобы в соляные сидельцы определяли лиц из местных инвалидов, состоящих в уездных городах. Казенной палате было предписано, чтобы по этому вопросу все заинтересованные стороны обращались к батальонным командирам внутренних гарнизонных батальонов в губернии. Однако, конечно, далеко не каждый инвалид могу исполнять обязанности соляного сидельца. Так, Бийский соляной пристав в декабре 1819 г. обнаружил, что сиделец Игнатий Петров одержим падучей болезнью, а потому «оставляет свою обязанность к дальнейшему занятию сей должности», после чего его отослали обратно в инвалидную команду (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 18–180б.).

Такое положение с трудоустройством военных инвалидов сохранялось вплоть до начала XX в. – даже когда инвалидные команды были расформированы, и их служащие перестали именоваться инвалидами, они продолжали выполнять возложенные на них функции. Ситуация изменилась после Русско-японской войны 1904–1905 гг. – конфликта, который впервые заставил пересмотреть отношение общества и государства к нижним чинам, лишившимся здоровья и трудоспособности в ходе военных действий.

Генерал М.В. Грулев, во время Русско-японской войны бывший командиром 11-го пехотного Псковского полка, в своих мемуарах писал: «...в нашем законодательстве отсутствует самая идея об обязанности для государства обеспечения инвалидных нижних чинов, потерявших трудоспособность на службе, выдача даже пресловутого 3-х рублевого пособия, установленного с незапамятных времен и убогих пенсий от Александровского комитета, обставлена такими формальностями, что многие увечные нижние чины оказываются... лишенными всякой поддержки со стороны государства и предоставленными собственной участи»; «...нижние чины, потерявшие трудоспособность на войне по расстроеному здоровью, вовсе не имеют права на признание... и обречены поэтому на совершенно беспомощное существование; между тем, всем участникам минувшей войны хорошо известно, что такие инвалиды заслуживают иногда больше внимания... Ненормальность этого положения после пережитой войны дает себя чувствовать каждый день... Громко и всюду вопиет нужда пострадавших на войне нижних чинов: чуть ли не на каждом шагу в столицах и провинции, в городах и деревнях встречаемся с жертвами войны – искалеченными инвалидами, ищущими какую-нибудь помощь себе и семье... Пройдя все мытарства, подвергнувшись медицинским освидетельствованиям... убогую пенсию солдат начнет получать не раньше, чем через год или полтора года после назначения» (Грулев, 1911: 194-195).

В январе 1905 г. в Российской империи появился Порт-Артурский комитет, деятельность которого предполагала оказание всесторонней помощи пострадавшим в Русско-японской войне солдатам. Комитет в основном занимался сбором пожертвований, за счет чего оказывал материальную помощь. Однако, наряду с выплатой денежных средств, в практике благотворительной организации появилось стремление к трудоустройству пострадавших на войне с Японией лиц. В ходе деятельности по приисканию рабочих мест инвалидам предлагались места контролеров, разъездных надсмотрщиков, работа на казенных складах и в складских конторах лицам офицерского звания,

объездчиками, сторожами, фельдшерами, дворниками, приказчиками, рабочими, продавцами казенных винных лавок (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 143–144). Как видно, вариантов трудоустройства было немало, но сибирские инвалиды хотели быть только «продавцами по казенной продаже питей» в магазинах с окладом 420 руб. в год (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 68).

Согласно помощнице председательницы Порт-Артурского комитета графине Карловой, из Томской губернии был подан список кандидатов в продавцы питей из запасных нижних чинов, участвовавших в Русско-японской войне, из 46 человек. Из них 12 человек были назначены, 12 были записаны кандидатами, 22-м отказали (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. I-IVоб.).

Существовало два типа прошений. В первом сведения о просителе места продавца по казенной продаже питей включали три блока. В первый блок входили: фамилия, имя и отчество просителя, воинское звание и сословная принадлежность, возраст, вероисповедание, семейное положение, место жительства, степень образования или грамотности, состоял ли под судом и/или следствием, род прежних и настоящих занятий. Во втором блоке сообщалось, не был ли ранее проситель виноторговцем, состоял ли прежде на службе по винной торговле, какую должность желает занимать и в какой местности, сколько залога деньгами или бумагами может предоставить при определении на должность продавца или сборщика, каким еще недвижимым имуществом, кроме залога, владеет. В третий блок входили сведения о том, известен ли просителю кто-либо из лиц акцизного надзора, кто рекомендовал просителя и отзывы рекомендующих лиц, заключение лица акцизного надзора, собиравшего сведения (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 49об.–50).

Другой тип прошения со сведениями о кандидате включал информацию о том, какие раны и увечья получил на войне инвалид или чем заболел; какое пособие получает от казны или из другого места; где служит или чем занимается, чем занимался до поступления на военную службу, и может ли заниматься тем же ремеслом теперь (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 132).

Прошения инвалидов представляют собой интересный исторический источник, поскольку сообщают не только о стремлении заняться посильным трудом, но и личные сведения о просителе, информацию об образовании и семейном статусе, обстоятельствах ранения и инвалидности, заключение акцизного надзирателя о возможности занять должность продавца в магазине.

Так, Ефим Грищенко, 27-летний унтер-офицер из крестьян, имел образование уровня сельского училища, был более 5 лет женат. До призыва на войну занимался хлебопашеством, был ранен с раздроблением левой руки, прежде сидельцем в питейном заведении не состоял, по заключению помощника акцизного надзирателя в продавцы питей пригоден, внес залог в размере 50 руб. (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 54об.–55).

Некий Дионисий Кокоч, инвалид 33 лет, получил «оглушение на левое ухо взрывом снаряда и ограничение подвижности ребер», пенсию и пособие не получал, был хлебопашцем, но говорил, что заниматься тем же ремеслом из-за глухоты почему-то не может, заниматься ничем не хочет и «живет помощью посторонних лиц» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 127об., 132). Не желая заниматься никаким трудом, он хотел получить место продавца в Томске, но там вакансий не оказалось. Когда ему предложили в другом городе, он отказался по причине, что не может внести залог.

Ефрейтор Иван Казбанов был мобилизован в 1904 г., при обороне Порт-Артура во время охраны укреплений он был ранен в правое плечо двумя ружейными пулями и в нижнюю челюсть ближе к левому уху с повреждением языка (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 151). Надзиратель акцизных сборов V округа Томской губернии писал Управляющему акцизными сборами, что Иван Казбанов не предоставил ни вид на жительство, ни паспорт. Ему трижды давали возможность это сделать, но он так и не предоставил документы, и поэтому надзиратель просил принять на должность продавца крестьянку, которая выполняла временно обязанности продавца (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 202).

У инвалида Ивана Хомякова при обороне Порт-Артура была ампутирована правая рука и левая стопа ноги, и он нуждался в искусственной конечности, и как он представлял себе возможность исполнять обязанности продавца, сказать трудно (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 89–90).

Однако вполне возможно, что инвалиду сознательно не давали должность. Томский губернатор К.С. Нолькен писал управляющему акцизными сборами Томской губернии весной 1907 г., что товарищ министра внутренних дел Крыжановский уведомил его о претензиях Комитета по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, находившегося под покровительством императрицы Александры Федоровны: «...Местные власти, несмотря на постоянное обращение к ним с просьбой, оказывают весьма слабое содействие Комитету по определению на должности чинов, пострадавших на войне с Японией, и в большинстве случаев возвращают прошения со стереотипной фразой: “за неимением вакансий место предоставлено быть не может”» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176).

На местах дело обстояло так. Управляющий акцизными сборами Томской губернии был категорически против этой затеи и писал: «Я лично сомневаюсь в правильности такого рода домогательств порт-артурских героев. И считал бы более справедливым городские места отдавать долго служащим и зарекомендовавшим себя продавцам, имеющих детей в школьном возрасте, каковых в управлении очень много» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 127об.). Шел 1907 г.,

а надзиратель акцизных сборов одного из округов Томской губернии писал: «...За неимением вакантных должностей продавцов еще никого мною не было назначено» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 152).

Однако на акцизного надзирателя жаловались и сами просители. Например, инвалид Порт-Артура Маркиан Деревянкин, который был ранен и не мог продолжать трудиться по профессии, приискал себе новое место и был зачислен кандидатом в продавцы, но прошел год, а он продавцом так и не стал. Инвалид в июле 1907 г. писал: «Я несколько раз просил господина надзирателя, чтобы дали место, но акцизный надзиратель отвечает... что не имеется вакансий. Но, как я вижу, во всех винных лавках служат частные [лица], не солдаты, [которые] ничем не пострадали, в полном здоровье, а также и женщины» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 170). В августе 1907 г. инвалид Деревянкин все-таки был принят продавцом в с. Новоильинское Барнаульского уезда «с жалованием по 300 руб. в год и надбавкой 30 руб. на 10 % вступительного удержания в пенсионную кассу» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 187).

Однако акцизные надзиратели не собирались сдаваться. Один из них, служивший в Барнауле, извещал управляющего акцизными сборами Томской губернии подробно сообщая, как ему было дано предписание предоставить должности продавцов в казенных винных лавках трем инвалидам-портартурцам – Тимофею Куракину, некоему Бергилю и Ивану Першутчеву. Но в процессе сбора информации о потенциальных продавцах надзиратель выяснил, что один из них, Куракин, «проживает в Санкт-Петербурге неизвестно где» и никаким продавцом в винном магазине быть не собирался. Деревня, в которой должен был проживать инвалид Бергиль, вообще никогда не существовала, и только Иван Першутчев, бывший фельдшер, захотел быть назначен продавцом казенной винной лавки, но в Тульской губернии, а от должности продавца в Томской губернии отказался (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 174–174об.).

Самому Комитету, конечно, было очень трудно следить за открывающимися в провинции вакансиями, которые могли бы быть предоставлены нижним чинам из числа инвалидов, как и сноситься с многочисленными частными, общественными и правительственными местными учреждениями. Для достижения поставленной Комитетом цели особенно ценным могло стать только деятельное участие губернских начальств, хорошо знакомых с местными условиями и всегда имеющими возможность быть осведомленными о вакантных должностях в губернии.

Товарищ министра в своем письме чиновников Томской губернии просил обратить особое внимание на ходатайства Комитета о предоставлении мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, начать взаимодействие со всеми подведомственными губернатору учреждениями и лицами и «озаботиться о постановке правильной организации в губернии дела устройства судьбы воинских чинов» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176). Также губернатор К.С. Нолькен решил выйти за рамки представления мест инвалидам Русско-японской войны только в винных магазинах и предложил «признать возможным... замещать все вакансии – преимущественно низшие должности, как то: курьеров, сторожей, рассыльных, лесных объездчиков, жандармов, почтальонов и т.п. нижними воинскими чинами, пострадавшими на войне с Японией» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176). Для координации этого процесса губернатор просил сообщать ему лично о каждой открывшейся вакансии, и в этом случае от него «будет зависеть распоряжение о предоставлении места более достойному и имеющему лучшие рекомендации кандидату» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176).

Акцизный надзиратель из Мариинского округа Томской губернии негласно собирал сведения о трех кандидатах на должность продавца в винный магазин и предоставил их управляющему акцизными сборами. Претендовавший на должность продавца инвалид Михаил Каржаев в свое время был уволен за мошенничество со службы на железной дороге, затем вместе с своим братом был уличен в конокрадстве и укрывательстве краденых вещей, за что был судим и сидел в тюрьме. Инвалид Федор Макаров, по отзывам его родственников и других крестьян, был известен как «человек, любящий гулять, пьянствовать и нечист на руку». Соседи Макарова заявили, что он, состоя на службе в качестве работника, у одного человека похитил самовар и пропил его, у другого стащил из лавки дневную выручку и прогулял ее, третий просто отзывался о нем как о самом плохом человеке. Третий кандидат, Егор Першин, к занятию должности продавца казенной винной лавки оказался не пригоден, т.к. у него «правая нога до половины бедра отнята, и он может двигаться с места на место с большим трудом с помощью костылей, кроме того Першин малограмотный и даже не умеет подписать фамилии» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 257–257об., 259–259об.).

Интересно, что Першин, не дожидаясь решения, от должности продавца отказался и попросил его назначить «путевым сторожем на железную дорогу или на другое вполне подходящее место где его могут заменять родные, живущие при нем» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 261–261об.). Надо сказать, это был довольно оригинальный подход – найти такое место, на котором в случае надобности инвалида мог бы заменить здоровый родственник!

Всех трех претендентов надзиратель просил исключить из числа кандидатов. Однако при прочтении его замечаний складывается такое ощущение, что он сознательно собирал об инвалидах только негативную информацию.

41-летний Алвиан Гичев, проживавший с отцом 77 лет и матерью 72 лет, женой 36 лет, двумя детьми 10 и 13 лет, после отставки из морского ведомства решил занять должность продавца. У него не было даже залога, однако его готовы были взять, но акцизный надзиратель и тут выяснил, что «Гичев крупный пьяница, и что [односельчане] советуют не рисковать и [не] брать его...» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 281–282об.).

И вновь, как в случае с Паршиным, сам Гичев просил, если его не возьмут в винную лавку продавцом, дать ему рекомендательное письмо на имя старшего производителя работ колеи Сибирской железной дороги инженера Эрнеста Андреевича Бобенского на ст. Тайшет, чтобы его приняли туда на работу «на постройку» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 285), хотя трудно представить, что бы мог делать неграмотный инвалид на строительстве железной дороги.

Надзиратель акцизного округа в Мариинске, видимо, был принципиальным противником того, чтобы приглашать на места продавцов в винные магазины инвалидов. В другой раз он писал управляющему акцизными сборами Томской губернии по поводу уже принятого инвалида Тимофеева: «Имею честь донести вашему превосходительству, что продавец казенной винной лавки в с. Николаевском запасный старший унтер-офицер из порт-артурцев Андрей Васильевич Тимофеев мною... от должности продавца уволен... За кражу денег и вещей со взломом замка сарае приговорен пограничным окружным в дом к заключению на один год в исправительное арестантское отделение. Тимофеев был назначен продавцом в лавку... согласно предписания Вашего Превосходительства... как рекомендованный комитетом по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 317). Вместо Тимофеева надзиратель просил назначить кого-либо из других кандидатов – «не солдат, а из других», что во многом демонстрирует его ярко выраженную не то чтобы не толерантную, а даже агрессивную позицию по отношению к инвалидам Русско-японской войны.

Выяснилось, что в 1903 г. Тимофеев действительно находился под следствием и даже был осужден на 8 месяцев, после чего воевал и был ранен, а в материалах о нем за 1907 г. никаких прочих сведений, кроме как о прежней судимости уже не содержится. Что еще интересно: после отстранения Тимофеева лавка была «сдана запасному продавцу в полной исправности». То есть фактически инвалид был уволен из магазина только за то, что он когда-то, еще до войны с Японией был осужден за кражу (и, вероятно, скрыл этот факт), что, по мнению акцизного надзирателя, говорило против инвалида, что он не подходил по «нравственным» основаниям. Однако, как следует из Циркуляра Крыжановского, Тимофеев самим фактом своего ранения в Русско-японскую войну был принят под покровительство благотворительного комитета, стал «героем», а, значит, за свой проступок должен быть прощен. Тем не менее, решение об увольнении осталось в силе.

Вероятно, именно поэтому Управляющий акцизными сборами Томской губернии писал надзирателям, что во всех случаях несвоевременной явки кандидатов в продавцы, в случаях добровольного отказа, при выявленных нарушениях требуется «весьма значительное время» и предлагал установить месячный срок, в течение которого могут быть рассмотрены все обстоятельства дела, и только после этого лишать инвалида места продавца и даже в этом случае при появлении вакансии сначала замещать ее инвалидом, а потом уже запасным продавцом (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 409об.-410об.).

Акцизный надзиратель Мариинского округа не унимался и в письмах к управляющему акцизными сборами Томской губернии придумывал все новые и новые причины отказа инвалидам-портартурцам, при этом возлагая причины, по которым кандидаты не смогли занять место продавца, на самих претендентов: то они не захотели работать, то «за неимением каких-либо средств на переезд и первое житье», то «по причине жительства в городе без квартирных денег», то из-за дороговизны жизни, то «по боязни командировок в разные села и лавки с большим оборотом на неопределенное время» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 419об.).

Управляющие акцизными сборами регулярно отправляли сведения о кандидатах, которые не подошли, в местный губернский благотворительный комитет, оттуда эти материалы шли в вышестоящие инстанции и, вероятно, дошли до самого правительства. В 1908 г. из Министерства внутренних дел товарищ министра сенатор Крыжановский специальным циркуляром сообщал губернаторам, что губернские комитеты не должны собирать никаких, особенно порочащих, сведений о кандидатах в продавцы винных магазинов из числа инвалидов, пострадавших на войне с Японией, т.к. Комитетом во главе с императрицей Александрой Федоровной **уже** (выделено мной – прим. авт.) приняты под покровительство... и признаны пострадавшими на войне и хорошо аттестованными», а потому таковые инвалиды не должны предоставлять о себе никаких «сведений» как о том, что они пострадали на войне, так и о нравственных качествах. Губернским комитетам надлежало «лишь заботиться о приискании лицам указанной категории просимых мест без наведения о них дальнейших справок, за исключением, разумеется, тех случаев, когда на месте будут обнаружены какие-либо данные, лишаящие кандидата права на помощь» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 267–267об.). Относительно инвалидов – участников Русско-японской войны, которые ходатайствовали о предоставлении мест на железных дорогах, губернские комитеты в виду существующих особых на железных дорогах требований для принятия на службу, должны были взаимодействовать с

начальниками железных дорог по поводу медицинского освидетельствования пригодности кандидатов к железнодорожной службе во врачебной комиссии тех дорог, где проситель желал получить место.

Впрочем, оценить, как в дальнейшем реализовывались указанные предписания, не представляется возможным – материалов о приискании рабочих мест инвалидам Русско-японской войны, в том числе в винных магазинах, в архиве обнаружить пока не удалось. Однако представляется, что подобная практика либо окончательно сошла на нет, поскольку встретила на местах отчаянное сопротивление, либо наряду с пенсиями и пособиями превратилась в один из типичных видов помощи нетрудоспособным солдатам, о чем уже не требовалось вести детальную переписку. Кроме того, в скором времени страна была вовлечена в новый мировой военный конфликт, численность инвалидов выросла еще сильнее, и это потребовало изменений в зарождавшейся социальной политике.

5. Заключение

Отвечая на вопрос, насколько развита была среди инвалидов персональная трудовая деятельность, и какую пользу и выгоду приносила им трудовая деятельность в XIX – начале XX в., следует, в первую очередь, разделить практики вовлечения военных инвалидов в трудовые процессы в XIX в. и после Русско-японской войны.

При Александре I стала действовать практика, которую условно можно описать как «инвалиды для труда», при которой служба в инвалидной команде предполагала выполнение определенных действий в гражданском городском пространстве, и тем самым превращалась в часть профессиональной повседневности. Занятость инвалидов в качестве сторожей, караульных и лиц, сопровождавших заключенных, вино или документы, решала проблему призрения нетрудоспособных нижних чинов.

В начале XX в. эту формулу трудоустройства сменяет «труд для инвалидов», когда инвалиды рассматриваются в большей степени не как трудовой ресурс, а именно как субъекты трудовой реабилитации. В ходе приискания им работы должны были учитываться самые разные факторы: возраст, образованность, характер инвалидности, сохранность способности к труду и т.п. – это свидетельствует об определенной модернизации модели общественного призрения и ее начавшейся трансформации в сторону государственной социальной политики. Однако можно сделать парадоксальный вывод о том, что этот вариант не был в полной мере реализован, и способ совмещения военной службы членов инвалидной команды и деятельности в условиях городской жизни оказался более эффективным с точки зрения полезности для поддержания жизненных сил лиц с инвалидностью.

Что же касается уникальности этого опыта, то можно согласиться с И.Б. Орловым, что порой «ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме... уже не воспринимаются уникальностью, которой они отчасти обладают» (Орлов, 2010: 12). Повседневная занятость и трудовая деятельность военных инвалидов в имперский период слились воедино и обеспечили им полноценное социальное функционирование. В то же время нельзя не признать, что в условиях отсутствия полноценной государственной социальной политики подобный подход был направлен еще и на то, чтобы снять инвалидов с попечения государства, о чем свидетельствует стремление возложить финансирование их трудовой активности за счет общества.

Литература

Бесолова, 2016 – Бесолова А.А. Социальная поддержка инвалидов и их семей военными благотворительными комитетами в городах Владикавказе, Моздоке, станице Прохладной во второй половине XIX в. – 1919 г. // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова*. 2016. № 3. С. 12-16.

Бродель, 1977 – Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Философия и методология истории. М., 1977. С. 115-142.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Григорьева, 2010 – Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: к постановке проблемы // *Теория и практика общественного развития*. 2010. №3. С. 216-218.

Грулев, 1911 – Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. 331 с.

Гусева, 2021 – Гусева О.В. Благотворительная деятельность Российского общества Красного Креста Томской губернии по оказанию помощи раненым и больным воинам в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2021. № 1(26). С. 28-32.

Дуров, 2011 – Дуров И.Г. Ветераны армии и флота Петра Великого на инвалидном содержании при Петре II, Екатерине II и Павле I // *Меншиковские чтения*. 2011. № 2. С. 9-38.

Катцина, 2015 – Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015. № 2(32). С. 68-79.

Ковалев, 2011 – Ковалев А.С. К вопросу о методологии исторического анализа качества жизни в учреждениях социального обслуживания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 3-3. С. 75-83.

Ковалев, 2013 – Ковалев А.С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20-30-х гг. XX в. (на материалах Сибири). Красноярск, 2013. 476 с.

Ковалев, 2024 – Ковалев А.С. Методика комплексного анализа истории повседневной жизни населения // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2024. № 1. С. 255-270.

Людтке, 1999 – Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история. Ежегодник, 1998/1999*. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77-100.

Орлов, 2010 – Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 316 с.

Ташпекова, 2021 – Ташпекова А.Т. История Саратовского внутреннего гарнизонного батальона в период 1811–1864 годов / Войска национальной гвардии Российской Федерации: прошлое и настоящее. Саратов, 2021. С. 41-47.

Щербинина, Щербинин, 2011 – Щербинина Ю.В., Щербинин П.П. Социально-экономические последствия интеграции военных инвалидов в гражданское общество в XIX в. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2011. № 9(31). С. 186-189.

Kovalev et al., 2023 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 149-158.

Kovalev et al., 2024 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Savina E.V. Everyday Life of Invalid Companies and Military Invalids in the 19th Century (Based on Materials From the Tomsk Province) // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 640-651.

Schutz, 1990 – Schutz A. Collected Papers I: The Problem of Social Reality / Ed. by M.A. Natanson and H.L. van Breda. Dordrecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 1990. 420 p.

References

Besolova, 2016 – Besolova, A.A. (2016) Social'naya podderzhka invalidov i ih semej voennymi blagotvoritel'nymi komitetami v gorodah Vladikavkaze, Mozdoke, stanice Prohladnoj vo vtoroj polovine XIX v. – 1919 g. [Social support for the disabled and their families by military charitable committees in the cities of Vladikavkaz, Mozdok, village of Cool in the second half of the XIX century – 1919]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Hetagurova*. 3: 12-16. [in Russian]

Braudel, 1977 – Braudel, F. (1977). Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [History and social sciences. Historical duration]. *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history]. Moscow. Pp. 115-142. [in Russian]

Durov, 2011 – Durov, I.G. (2011). Veterany armii i flota Petra Velikogo na invalidnom soderzhanii pri Petre II, Ekaterine II i Pavle I [Veterans of the army and navy of Peter the Great on disability support under Peter II, Catherine II and Paul I]. *Menshikovskie chteniya*. 2: 9-38. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region].

Grigorieva, 2010 – Grigorieva, A.G. (2010) Sovetskaya povsednevnost' i uroven' zhizni naseleniya SSSR v 1953–1964 gg.: k postanovke problemy [Soviet everyday life and the standard of living of the population of the USSR in 1953-1964: towards the formulation of the problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3: 216-218. [in Russian]

Grulev, 1911 – Grulev, M.V. (1911). Zloby dnya v zhizni armii [The evils of the day in the life of the army]. Brest-Litovsk. 331 p. [in Russian]

Guseva, 2021 – Guseva, O.V. (2021). Blagotvoritel'naya deyatelnost' Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta Tomskoj gubernii po okazaniyu pomoshchi ranenym i bol'nym voenam v period Russko-yaponskoj vojny (1904-1905 gg.) [Charitable activity of the Russian Red Cross Society of the Tomsk province to assist wounded and sick soldiers during the Russo-Japanese War (1904-1905)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1(26): 28-32. [in Russian]

Kattsina, 2015 – Kattsina, T.A. (2015). Organizaciya i mery social'noj podderzhki naseleniya Sibiri v gody Russko-yaponskoj vojny [Organization and measures of social support for the population of Siberia during the Russian-Japanese War]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2(32): 68-79. [in Russian]

Kovalev, 2011 – Kovalev, A.S. (2011). K voprosu o metodologii istoricheskogo analiza kachestva zhizni v uchrezhdenijah social'nogo obsluzhivaniya [On the methodology of historical analysis of the quality of life in social service institutions]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 3-3: 75-83. [in Russian]

Kovalev, 2013 – Kovalev, A.S. (2013). Invalidnyj dom kak institut social'noj pomoshchi pozhilym lyudyam i invalidam v 20-30-h gg. XX v. (na materialah Sibiri) [The invalid house as an institution of social assistance to the elderly and disabled in the 20-30s of the XX century (based on materials from Siberia)]. Красноярск. 476 p. [in Russian]

[Kovalev, 2024](#) – *Kovalev, A.S. (2024). Metodika kompleksnogo analiza istorii povsednevnoj zhizni naselenija [Methodology of complex analysis of the history of everyday life of the population]. *Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 1: 255-270. [in Russian]*

[Ludtke, 1999](#) – *Ludtke, A. (1999). Chto takoe istoriya povsednevnosti? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is the history of everyday life? Her achievements and prospects in Germany]. *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social History. Yearbook]. Moscow: ROSSPAN. Pp. 77-100. [in Russian]*

[Orlov, 2010](#) – *Orlov, I.B. (2010). Sovetskaja povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovlenija [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow. 316 p. [in Russian]*

[Shcherbinina, Shcherbinin, 2011](#) – *Shcherbinina, Yu.V., Shcherbinin, P.P. (2011). Social'no-jekonomicheskie posledstviya integracii voennyh invalidov v grazhdanskoe obshhestvo v XIX v. [Socio-economic consequences of the integration of military disabled people into civil society in the XIX century]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 9(31): 186-189. [in Russian]*

[Tashpekova, 2021](#) – *Tashpekova, A.T. (2021). Istoriya Saratovskogo vnutrennego garnizonnogo batal'ona v period 1811–1864 godov [The history of the Saratov internal garrison battalion in the period 1811-1864]. *Vojska nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: proshloe i nastoyashchee* [Troops of the National Guard of the Russian Federation: past and present]. Saratov. Pp. 41-47. [in Russian]*

От сторожа до продавца: повседневная занятость и трудовая деятельность военных инвалидов в 1808–1908 гг. (на примере Западной Сибири)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^{a, b},
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, c, d}, Олег Игоревич Савин ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

^c Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^d Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время особое значение приобретает актуализация исторического опыта социальной помощи военным инвалидам в России. От того, какие ресурсы и возможности готово предоставить общество и государство инвалидам войны, зависит качество их адаптации к мирной жизни. В имперский период истории России существовала практика общественного призрения путем создания инвалидных команд, члены которых получали пенсии, вещевое довольствие, жилье, однако должны были продолжать нести службу. В тоже время их служебная деятельность была связана с исполнением неармейских, а гражданских повинностей. Члены инвалидных команд привлекались к различным видам работ, которые определяли их трудовую повседневность. В настоящей статье на основе архивных материалов Государственного архива Томской области рассматриваются особенности вовлеченности военных инвалидов Западной Сибири в разные сферы общественной жизни, в которых они трудились и получали вознаграждение. Важным вопросом, поставленным в статье, является характер трудовой деятельности военных инвалидов – насколько она была частью их повседневности и в какой степени соответствовала задачам профессиональной реабилитации этой категории населения. По результатам проведенного анализа сделан вывод о том, что в период XIX – начала XX в. можно выделить две модели трудовой занятости военных инвалидов. Для первой модели была характерна трансформация служебной деятельности в социально-профессиональную, осуществлявшуюся в городском пространстве. Занятость инвалидов обеспечивалась и финансировалась, исходя из потребностей местного сообщества. Вторая модель, сложившаяся в первые годы после Русско-японской войны, была более приближенной к принципам социальной политики, предполагающей поиск трудовых мест для инвалидов войны, исходя из их заслуг перед обществом и государством. В центре этой модели находился уже реабилитационный фактор. Сравнение результативности действия этих моделей позволяет судить об эффективности каждой из них.

Ключевые слова: военные инвалиды, инвалидная команда, занятость, Западная Сибирь, общественное призрение, повседневность, Русско-японская война, труд.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев)

NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),

OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин)